

Е. О. Наумов

Продовольственное самоснабжение Красной армии на Восточном фронте во второй половине 1918 года

Необходимость подавить выступление Чехословацкого корпуса, вспыхнувшее на востоке страны в конце мая — начале июня 1918 г., а также разгромить Народную армию Комуча потребовала от руководства Красной армии быстро сосредоточить в Поволжье и Приуралье значительную солдатскую массу и обеспечить ее продовольствием. Однако из-за ненадежности снабженческого аппарата в вооруженных силах и всеобщей разрухи в стране, вызванной глубоким социально-экономическим и политическим кризисом, фронтовое и армейское командование оказалось неспособным централизованно решить данную проблему. Поэтому красноармейцы, а также представители командного состава частей и подразделений, столкнувшись с дефицитом продуктов питания, вынуждены были заниматься самостоятельной заготовкой продовольствия.

В отечественной историографии проблема самоснабжения вооруженных сил ставилась неоднократно. Однако рассматривалась она применительно к мировым войнам¹, в то время как Гражданская война практически не затрагивалась. Мы охарактеризуем основные особенности продовольственного самообеспечения, а также отношение к указанному процессу его участников — фронтового, армейского, дивизионного и полкового командования, солдатской массы и населения прифронтной территории.

***Наумов Евгений
Олегович***

канд. ист. наук, науч.
сотр., Мордовский
республиканский
объединенный
краеведческий музей
имени И. Д. Воронина
(Саранск, Россия)

Проблема продовольственного снабжения солдат Красной армии на востоке страны возникла буквально с первых дней после начала боевых действий в конце мая 1918 г. и была обусловлена несколькими факторами. Во-первых, из-за внезапно возникшего конфликта между красноармейцами и бойцами Чехословацкого корпуса на местах не успели заготовить необходимое количество продуктов, рассчитанное на многотысячную армию военнослужащих. Так, председатель Пензенского губисполкома В. В. Кураев, который занимался организацией подавления выступления Чехословацкого корпуса, в разговоре с заведующим отделением связи Оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам А. Ф. Боярским от 31 мая 1918 г. сообщал: «У нас нет совершенно продовольствия»². Об этом же писал в телеграмме от 4 июня 1918 г. заведующему Оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам С. И. Аралову командующий Западным Чехословацким фронтом А. Ф. Мясников, объясняя сложившуюся ситуацию разгромом местных складов чехами³. Во-вторых, воинские формирования прибывали на фронт без запаса военного имущества и продуктов. В телеграмме Смоленскому губернскому военному комиссару от 13 июня 1918 г. А. Ф. Мясников докладывал: «Наши части очень плохо снабжены»⁴. Наконец, в-третьих, армейское командование долгое время не могло наладить заготовительный и распределительный аппараты из-за ведомственных столкновений с продовольственными коллегиями и советами, проблем с транспортом и т. д.⁵

Неудивительно, что в подобных условиях солдаты вынуждены были самостоятельно бороться с дефицитом или отсутствием продуктов в войсках путем получения их непосредственно у крестьян, преимущественно насильственным способом. Определить процентное соотношение красноармейцев, занимавшихся грабежами, достаточно сложно. Однако, учитывая частые перебои с доставкой продовольствия на начальном этапе вооруженных действий на Восточном фронте летом 1918 г., можно предположить, что процент солдат, принимавших участие в реквизициях в указанный период, был достаточно большим. Значительную роль сыграли и другие факторы, в частности низкий уровень дисциплины красноармейцев и излишне прагматичные представления бойцов о военной службе. Так, широко известно, что в числе мотивов вступления добровольцев в Красную армию в первой половине 1918 г. была возможность получения продуктового пайка — один из способов выживания в экстремальных условиях на фоне ухудшающегося экономического положения в стране. Совершенно очевидно, что подобное отношение к военной службе не устраивало представителей командного состава, отмечавших низкий уровень дисциплины и боеспособности у таких солдат. Например, командующий Западным Чехословацким фронтом А. Ф. Мясников в докладной записке Л. Д. Троцкому от 25 июня 1918 г. писал: «[В вооруженных силах преобладают люди], поставившие себе целью пользоваться солдатским пайком. В красноармейских частях солдаты в 75 % состоят из подобных элементов»⁶. Правительственный комиссар при Латышской дивизии, впоследствии член Революционного военного совета Восточного фронта, К. Х. Данишевский в докладе о положении в 1-й армии, составленном 29 июня 1918 г., также сообщал: «[Красноармейцы] пользуются случаем

<...> хорошо поесть и попить»⁷. Поэтому, оказавшись на фронте, где возможностей для удовлетворения указанных потребностей обычным способом было не так много, солдаты большое внимание уделяли не военной службе, а решению продовольственных проблем реквизиционным путем.

Очевидно, что армейское руководство выступало против подобного способа получения продовольствия, о чем, например, свидетельствуют адресованные начальникам частей и подразделений приказы командования Западного Чехословацкого фронта от 7 и 10 июня 1918 г. с требованием немедленно прекратить самочинные безвозмездные изъятия продуктов, а также похожие распоряжения, которые публиковались позднее на протяжении всего обозначенного периода⁸. Во многом появление таких документов обуславливалось не только деморализующим воздействием на солдат указанных экспедиций или реквизиций, но и ухудшением и без того негативного отношения крестьян к Красной армии. Однако осуществить данный запрет на практике получалось не всегда из-за неспособности или нежелания дивизионного и полкового начальства контролировать солдатскую массу. Например, в приказе по 4-й армии от 21 августа 1918 г. № 11, где говорилось о набегам солдат на сады и огороды, сообщалось, что «стоящими во главе этих отрядов начальниками, по-видимому, не принимаются никакие меры для прекращения этих безобразий». Поэтому командующий армией объявлял, что командиры, не умеющие «вести сознательную дисциплину и внушить своим подчиненным неприкосновенность чужой собственности», будут не только отстраняться от занимаемой должности, но и предаваться суду⁹. Тем не менее в большинстве эпизодов командование старалось максимально быстро реагировать на случаи солдатских реквизиций.

Кроме того, в сложившихся условиях фронтовое и армейское руководство, не способное обеспечить полковые интендантства нужными продуктами, вынуждено было разрешить нижестоящему начальству проведение самостоятельных покупок провизии у населения за наличные деньги. При этом к данному способу первоначально нужно было прибегать только в экстренных случаях. Так, в приказе по 2-й армии от 23 июля 1918 г. о переходе в наступление сообщалось, что «при существующем недостатке транспортных средств планомерной подвозки интендантских видов довольствия не может быть организовано». Поэтому вся забота о снабжении войск продуктами путем закупок была возложена на командиров сотен, батарей и батальонов¹⁰. Впоследствии, приблизительно с конца лета — начала осени 1918 г., данную меру стали применять все чаще и чаще, о чем свидетельствуют многочисленные приказы по армейским объединениям.

Однако некоторые представители командного состава старались не обременять себя лишними обязанностями по заготовке продовольствия, в очередной раз проявляя недобросовестное отношение к данной проблеме. Например, согласно сводке штаба 3-й армии от 24 сентября 1918 г. о положении на фронте, в одном из полков объединения хозяйственная часть так и не была создана, в результате чего у солдат не оставалось другого выхода, как заниматься добычей продовольствия самостоятельно¹¹. В приказе по 5-й армии от 27 октября 1918 г. № 116 командующий также сообщал: «Вопрос о питании во

многих войсковых частях остается без должного внимания. Рассчитывая только на получение продуктов натурой от интендантства, некоторые войсковые части не предпринимают со своей стороны никаких шагов к улучшению пищи. В этом отношении наблюдаются преступные случаи небрежности, когда при отсутствии тех или иных продуктов в интендантских складах войсковые части, имея полную возможность приобрести недостающие продукты в районе своего расположения, не предпринимают никаких шагов, чтобы сделать это; благодаря чему красноармейцы получают недостаточно вкусную пищу». Поэтому в случае неотпуска тех или иных продуктов из складов командирам войсковых частей приказывалось самостоятельно принимать решительные меры к их заготовке, «не останавливаясь перед затратами»¹². Весьма примечательна последняя фраза, свидетельствующая о катастрофичной ситуации с продовольственным снабжением в 5-й армии, что вынуждало командование пренебречь денежной экономией.

По мере постепенного решения указанных проблем количество красноармейцев, продолжавших заниматься набегами на крестьянские хозяйства, несколько уменьшилось. Также это было связано с повышением уровня дисциплины среди большинства бойцов. Например, уже в июле 1918 г., согласно воспоминаниям участника событий А. Клементьева, «случаи грабежей и бесплатных реквизиций хотя и наблюдались, но были на Сенгилеевском фронте (1-я армия. — Е. Н.) все же редки и по обнаружении их виновники жестоко карались»¹³. В суточной информационной сводке Народного комиссариата по военным делам от 27 августа 1918 г. № 227, где сообщалось о положении в Красноуфимске Пермской губернии, находившемся в районе дислоцирования 3-й армии, было написано о самовольных реквизициях хлеба «со стороны некоторых красноармейцев»¹⁴. Об отдельных случаях мародерства на прифронтовой территории 3-й армии сообщала политическая сводка от 11 ноября 1918 г., в которой также отмечалось хорошее настроение частей, что подтверждает вышеприведенное предположение об исключительных случаях реквизиций¹⁵. В очередной политической сводке за 21–22 ноября 1918 г. о положении в 3-й армии упоминалось об «отдельных красноармейцах», отбирающих хлеб у населения¹⁶. О грабежах со стороны «некоторых красноармейцев» 1-й армии сообщалось в политической сводке по Восточному фронту за 23 и 24 ноября 1918 г.¹⁷

Более того, некоторые наиболее дисциплинированные солдаты вместо реквизиций продовольствия стали заниматься его покупкой за наличные деньги. Например, А. Клементьев в своих воспоминаниях о выходе Сенгилеевско-Ставропольской группы войск 1-й армии под командованием Г. Д. Гая из окружения в 20-х числах июля 1918 г. сообщает о закупках бойцами продуктов у крестьян. При этом указанный способ не носил характера экстренных заготовок, а представлял собой попытку немного разнообразить питательный рацион. Так, А. Клементьев писал, что закупки молока, яиц и других ненормированных продуктов осуществлялись ввиду «скудного питания консервами и хлебом»¹⁸. В «Известиях Сенгилеевского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» от 29 сентября 1918 г. сообщалось о вступлении

бойцов Витебского полка Симбирской дивизии 1-й армии в село Елаур Сенгилеевского уезда Симбирской губернии, жители которого «пригласив красноармейцев к себе в дом, угощали, кто чем был богат, но солдаты так не угощались, а платили выше стоимости»¹⁹. Согласно политической сводке штаба 3-й армии от 30 октября 1918 г. о положении на фронте в районе Осы Пермской губернии, крестьяне и красноармейцы жили вполне дружно, так как солдаты за пользование фуражом и продуктами платили аккуратно²⁰. Несмотря на то что подобные сообщения встречаются в документах достаточно редко, они также свидетельствуют об изменении отношения солдат к местным жителям, носившем позитивный характер. Однако далеко не все красноармейцы столь лояльно относились к растрате собственных денежных средств на продовольствие, которое они должны были получать бесплатно. Например, в политической сводке от 9 декабря 1918 г. о настроениях в 3-й армии сообщалось, что солдаты вынуждены были тратить свои суточные на пропитание. Неудивительно, что данный способ действовал на части крайне «деморализующим образом»²¹.

Реакция населения прифронтовой территории на столь разнообразную деятельность армейского командования и солдатской массы по добыче продовольствия была неоднозначной и обуславливалась общим отношением крестьян к красноармейцам, вооруженным силам и советской власти в целом на той или иной территории в определенный период времени. Так, на начальном этапе развертывания широкомасштабной Гражданской войны в Поволжье и Приуралье в июне — августе 1918 г. жители сел, деревень и городов прифронтовой полосы крайне негативно воспринимали присутствие Красной армии в населенных пунктах, а также попытки бойцов получить продукты насильственным способом. Одним из методов борьбы с подобным поведением солдат стали жалобы крестьян, направлявшиеся в адрес командного состава или политического отдела воинского формирования. Например, в рапорте председателя волостного совета села Новорослейка Новоузенского уезда Самарской губернии от 12 августа 1918 г. в штаб 4-й армии было написано: «[Красноармейцы] посещают сады и огороды, находящиеся на учете Совета и, под угрозой расправы оружием с караульщиками, срывают различные плоды, даже не совсем зрелые и ломают при этом деревья»²². В опубликованном в приказе по 4-й армии от 31 августа 1918 г. № 17 заявлении жителей села Ново-Антоновка Новоузенского уезда Самарской губернии также отмечалось: «Некоторыми товарищами красноармейцами срываются с огородов различные овощи, вырывается картофель и т. п.»²³. Примечательно, что армейское командование оперативно реагировало на подобные жалобы и предпринимало карательные меры по отношению к нарушителям дисциплины.

В итоге решительные действия армейского руководства по налаживанию дисциплины среди солдат способствовали постепенному изменению отношения к ним со стороны крестьян²⁴. Кроме того, начало успешного наступления Красной армии на Восточном фронте во второй половине августа 1918 г., активная пропагандистская работа сотрудников политических отделов армейских объединений, разъяснявших сущность большевистской идеологии и советской политики, а также провал экономической доктрины Комитета членов Учредительного

собрания²⁵ привели к тому, что население прифронтовой полосы, в особенности то, что ранее находилось на территории противника, оказалось готовым сотрудничать с военным руководством и солдатами при решении продовольственных вопросов. Например, о положительном влиянии агитации на настроения крестьян свидетельствует политическая сводка по 5-й армии от 16 сентября 1918 г.: «В деревне Кривуше до прибытия наших агитаторов настроение было неважное. Крестьяне питались темными слухами. Теперь, благодаря устройству митингов и благодаря раздаче литературы, настроение изменилось к лучшему — крестьяне поддерживают Красную армию хлебом и другими продуктами и по первому зову все готовы встать на защиту советской власти»²⁶.

В политических сводках с конца лета 1918 г. зафиксировано достаточно много эпизодов передачи войскам продовольствия жителями прифронтовой полосы. Например, в конце августа 1918 г. в районе 1-й армии крестьяне охотно давали хлеб и фураж²⁷. В 4-й армии, согласно политической сводке за 11 ноября 1918 г., жители встречали войска «хлебом [и] солью»²⁸. Сводка за 1 и 2 декабря 1918 г. следующим образом сообщала о ситуации в районе 3-й армии (Устиновская волость Осинского уезда Пермской губернии): «Несмотря на агитацию белых, население в массе всюду за советскую власть и дает армии хлеб, фураж и подводы. В деревне Тимково комбед производит сбор печеного хлеба для армии»²⁹.

Были ли это безвозмездные сделки или же продажи за установленную либо произвольную цену, сказать сложно из-за отсутствия прямых указаний на способ сотрудничества. Тем не менее в некоторых сообщениях подобная ремарка имеется. Так, в районе 5-й армии, согласно сводке от 25 августа 1918 г., крестьяне деревни Гоголиха Ширданской волости Свияжского уезда Казанской губернии, «узнав, что для 5-й армии советских войск требуется рожь и мука, привезли 51 пуд 16 фунтов ржи, заявив, что со своего народа денег они не возьмут»³⁰. В сообщении газеты «Известия ВЦИК» от 5 сентября 1918 г. о прибытии дивизиона Петроградского конного полка в Вятку говорилось: «[Солдаты подразделения встречали] всюду самый радушный прием со стороны местных крестьян, которые охотно по дешевке продают нам продукты первой необходимости, а иногда и просто угощают даром»³¹.

К этому времени также существенно изменилось отношение населения к реквизициям, которые, как было сказано выше, искоренить в полной мере не удалось. Документы свидетельствуют, что жители населенных пунктов выступали не столько против самого факта изъятия продуктов, сколько против самоуправного и несогласованного характера данных действий. Например, в суточной информационной сводке Народного комиссариата по военным делам от 27 августа 1918 г. № 227 сообщалось, что в районе Красноуфимска Пермской губернии, где располагалась 3-я армия, недоразумения между крестьянами и красноармейцами происходили именно на почве самовольных реквизиций хлеба³². Жалобы населения на то, что проходящие части, как солдаты, так и работники хозяйственных отделов, забирают лошадей, скот, продукты, «не имея на то никакого распоряжения или мандата», в большом количестве поступали в середине октября 1918 г. в штаб Инзенской дивизии 1-й армии³³. О неор-

ганизованном и безвозмездном отборе у жителей «некоторыми войсковыми частями» 30-й стрелковой дивизии 3-й армии нужных съедобных припасов говорилось в политической сводке за 22 декабря 1918 г.³⁴ Кроме того, население было недовольно попытками солдат изъять все продовольствие либо его бóльшую часть. Поэтому крестьяне, согласно телеграмме заведующего политическим отделом Инзенской дивизии 1-й армии от 20 октября 1918 г., просили «заранее предупреждать о времени, количестве проходящих войск, тогда хлеб был бы приготовлен в достаточном количестве и эксцессам не было бы места»³⁵.

Значимую роль в складывании преимущественно доброжелательного отношения крестьян к Красной армии сыграла политика военного руководства в области регламентации заготовительных операций. Например, командование настоятельно рекомендовало проводить закупки продовольствия с добровольного согласия жителей населенного пункта. Несмотря на то что начальство некоторых воинских объединений требовало от нижестоящего руководства проведения платных реквизиций³⁶, позднее от данной меры отказались, о чем свидетельствует приказ по 5-й армии от 9 октября 1918 г. № 61, согласно которому «в целях возможно более широкого использования местных средств в ближайшем тылу армии, а равно в интересах облегчения условий подвоза запасов продовольствия из более глубокого тыла» командирам частей предоставлялось «право закупки продовольственных продуктов и фуража». Однако в случае «неуспешности» данной меры, «если войсковая часть или учреждения испытывают затруднение в продовольствии», допускались «на общем основании платные реквизиции с разрешения командующего группой или начальника снабжений группы»³⁷. В 4-й армии, согласно воспоминаниям И. С. Кутякова, снабжение войск «продовольствием и фуражом производилось посредством реквизиций у кулаков. Когда запасы кулаков были исчерпаны, снабжение частей происходило за счет имеющегося продовольствия у остальной части крестьянского населения»³⁸. Сообщение И. С. Кутякова ценно также тем, что оно является одним из немногих, где содержатся сведения о конкретном слое крестьян, подвергавшихся реквизициям. В остальных армейских объединениях вышестоящее руководство настаивало на проведении добровольных платных заготовок. Например, в начале октября 1918 г. разрешения на право «самостоятельных закупок хлебных, других продовольственных продуктов» в пределах Пермской губернии стал выдавать штаб 3-й армии³⁹. 30 октября 1918 г. похожее распоряжение было отдано в приказе № 109 по Пензенской дивизии 1-й армии⁴⁰.

Более того, армейское командование некоторое время приобретало продукты у населения по свободным, т. е. рыночным, ценам, что, очевидно, служило крестьянам неплохим стимулом для налаживания сотрудничества с Красной армией. Например, хозяйственные органы 1-й⁴¹ и 3-й⁴² армий покупали продукты по произвольным, как правило, завышенным ценам, не задумываясь о необходимости экономного расходования финансовых средств. Руководство 5-й армии, наоборот, приказом от 24 августа 1918 г. № 8 установило твердые цены, выше которых покупка продовольствия считалась нежелательной:

- пуд живого веса крупного рогатого скота — 30 руб.;
- пуд живого веса овец — 25 руб.;
- пуд мяса — 60 руб.;
- пуд баранины — 45 руб.;
- 100 яиц — 30 руб.;
- пуд картофеля — 12 руб.;
- пуд сена — 2 руб. 50 коп.⁴³

Впоследствии меры по экономии денег были предприняты руководством Пензенской дивизии 1-й армии. Согласно приказу от 30 октября 1918 г. № 109, командирам частей разрешалось закупать провизию «не выходя из приварочного оклада 2 руб. 77 коп. в сутки на человека»⁴⁴.

Тем не менее отношение крестьян к разрешенным закупкам продовольствия было неоднозначным. Так, политический комиссар 5-й армии С. И. Гусев в своей корреспонденции под названием «Бои под Казанью», датированной концом августа — началом сентября 1918 г., сообщал: «Население близлежащих деревень к Красной армии относится с большим сочувствием. Охотно продают продукты, ходят на наши митинги и интересуются ходом военных действий»⁴⁵. Однако последующие свидетельства говорят о том, что данный процесс протекал с определенными осложнениями.

Во-первых, крестьянство было недовольно диктуемыми им низкими закупочными ценами. Об этом сообщалось в политической сводке за 25 декабря 1918 г. о настроениях населения в районе 2-й армии (Осинский уезд Пермской губернии)⁴⁶. В редких случаях, как следует из телеграммы штаба 5-й армии в адрес Л. Д. Троцкого от 21 октября 1918 г., жители соглашались на требования армейского руководства, что было вызвано нехваткой денег и товаров, а также скопившимися в Самарской губернии значительными запасами хлеба. Примечательно, что последним обстоятельством активно пользовались спекулянты, которые закупали у крестьян хлеб по низким ценам, а хозяйственным частям продавали по завышенным, получая от этого определенную прибыль⁴⁷.

Во-вторых, население выступало против определенных деталей оплаты. В политической сводке по Восточному фронту от 22 декабря 1918 г., где говорилось о положении в районе 30-й дивизии 3-й армии, сообщалось: «Некоторые войсковые части <...> платят крупными кредитками, которых (так в тексте. — Е. Н.) крестьяне не могут разменять»⁴⁸.

Наконец, в-третьих, недовольство крестьян вызывала неаккуратная выплата денег за переданное продовольствие, вызванная охарактеризованным выше неоднозначным отношением к своим обязанностям представителей командного состава частей и подразделений. Например, довольно часто хозяйственные органы давали крестьянам расписки, после предъявления которых в штабе армии или дивизии можно было получить необходимую сумму. Однако весьма безответственный способ составления документации, практиковавшийся должностными лицами, приводил к тому, что население рисковало остаться ни с чем. Так, в приказе по 5-й армии от 9 октября 1918 г. № 62 сообщалось, что в выданных расписках зачастую даже не указывалось, к какой части принадлежало лицо, подготовившее документ⁴⁹. Аналогичные

случаи имели место и в 4-й армии, о чем свидетельствует приказ по объединению от 14 ноября 1918 г. № 69: «Расписки, в большинстве случаев, написаны на обрывках бумаги, небрежно, неразборчиво, без указаний части, количества взятого и даже кем взято и т. п., вследствие чего расписки не могут служить документами к оплате, на основании чего местные крестьяне не могут получить вознаграждения за взятое от них частями войск»⁵⁰. О бездейственности хозяйственных управлений частей армии свидетельствовало также то, что закупки выполнялись обычными каптенармусами, артельщиками или даже отдельными красноармейцами, в результате чего данный процесс довольно часто сопровождался угрозами и больше напоминал солдатские реквизиции. Неудивительно, что армейское руководство стало подозревать нижестоящее начальство в расхищении денежных средств, выдаваемых интендантством, так как обязательная отчетная документация не составлялась. Впрочем, последнее обстоятельство можно объяснить обычной халатностью должностных лиц и нежеланием тратить время на бумажную работу⁵¹. Так или иначе, командование 5-й армии, согласно вышеупомянутому приказу от 9 октября 1918 г. № 62, настоятельно предписывало нижестоящему начальству под угрозой не только материальной ответственности, но и уголовного наказания проводить реквизиции или закупки только с помощью особо уполномоченных лиц, а также выплачивать деньги на месте производства заготовок⁵². И. С. Кутяков вспоминал, что именно из-за указанных недоразумений в районе 4-й армии «к концу 1918 г. симпатии середнякацкого крестьянства к советской власти несколько ослабели»⁵³.

Тем не менее жители прифронтовой полосы не всегда столь трепетно относились к получению денежных средств, которые они считали абсолютно ненужными и бесполезными. С подобной проблемой столкнулись заготовительные органы 1-й армии еще летом 1918 г. Как писал инспектор снабжения объединения А. Позднышев, «за деньги деревня хлеб не давала»⁵⁴. Вместо этого крестьянство требовало направить в сельскую местность промышленные изделия. Например, в политической сводке по 5-й армии от 25 сентября 1918 г. сообщалось: «Крестьяне с охотой отдадут нам хлеб, которого здесь много, если город даст нужные в деревне продукты»⁵⁵.

Местное население было далеко не единственным источником добычи продовольствия для Красной армии на Восточном фронте. В случае успешного ведения боевых действий солдаты могли получить в свое распоряжение обозы противника со съестными припасами. Так, в донесениях командира и комиссара 1-го Николаевского полка 4-й армии от первой половины июня 1918 г. сообщалось о захвате у казаков трофеев в виде выпеченного хлеба, муки, мяса и других продуктов⁵⁶. В донесении командующего 4-й армией в штаб Восточного фронта о взятии Николаевска от 22 августа 1918 г. также говорилось о переходе всего обоза отступившего неприятеля⁵⁷. В некоторых случаях наступление Красной армии было настолько стремительным, что солдаты успевали угоститься обедом, «который приготовили для себя белогвардейцы». Об этом сообщалось в политической сводке по Левобережной группе 5-й армии от 8 сентября 1918 г.⁵⁸

Вступление в город с богатыми продовольственными складами или на крупную железнодорожную станцию, где могли находиться неотправленные эшелоны с продуктами, также позволяло значительно пополнить запасы провизии как закупочным, так и реквизиционным способами. Например, согласно дневниковым записям генерала А. В. Жиркевича, 27 сентября 1918 г., спустя некоторое время после захвата Симбирска войсками 1-й армии, между жителями города и одним из красноармейцев произошел примечательный диалог: «Молодой солдат-большевик спрашивает: “Где тут у вас лавки?” — “А тебе зачем? Хлеба хочешь купить?” — “Вот хлеба! Хлеба у нас и так много, что его не едим... Я получил жалованья 250 рублей. Хочу купить колбасы, орехов, папирос”. Ему указали лавку. Он туда зашел. Выходит оттуда с кучей покупок...»⁵⁹ Противоположное по смыслу сообщение содержится в дневниковой записи военного комиссара 1-го Симбирского полка Симбирской дивизии 1-й армии Н. И. Кирюхина от 24 октября 1918 г., посвященной захвату станции Савруха, которая находилась недалеко от Бугуруслана Самарской губернии: «[Красноармейцы соседнего 3-го Симбирского полка] тащили все, что можно было: мешки сахара, кружки сыра, ящики консервов, яиц, бочки масла, мешки проса и муки, кули овса, остатки обмундирования. Для того чтобы прекратить растаскивание, пришлось приказать открыть огонь вдоль вагонов, которым и отогнали баракхольщиков. <...> На станции Бугуруслан мы тоже кое-что захватили. <...> Кроме того, осталось несколько вагонов с продовольствием, между прочим — полвагона бочек с вареньем и ящиков с консервами»⁶⁰. Согласно воспоминаниям командующего Восточным фронтом С. С. Каменева, подобная практика поиска продуктов в захваченном городе была вполне обычным явлением⁶¹.

Таким образом, складывание системы продовольственного самоснабжения Красной армии на Восточном фронте во второй половине 1918 г. продемонстрировало целый ряд особенностей организационного строительства вооруженных сил советского правительства. Фронтовое и армейское командование, столкнувшись с трудностями при обеспечении войск продуктами, вынуждено было привлечь к решению данной проблемы представителей полкового руководства, сохранив за собой обязанность регламентации указанного процесса. Однако командиры частей и подразделений, несмотря на чрезвычайную важность продовольственных вопросов для вооруженных сил, относились к их разрешению достаточно халатно, зачастую не обращая внимания на солдатские грабежи и отказываясь предпринимать меры по налаживанию заготовок продуктов. Хотя случаи самовольных реквизиций продуктов у местного населения со стороны солдат имели место на протяжении всего указанного периода, наблюдается тенденция к уменьшению количества красноармейцев, принимавших участие в подобных экспроприациях, что свидетельствует о повышении уровня дисциплины бойцов и качества их питания. Процесс снабжения войск продуктами значительно облегчался за счет содействия со стороны населения прифронтовой полосы, на примере поведения которого можно проследить процесс эволюции отношения к Красной армии: от резко негативной реакции на присутствие солдат в населенных пунктах до активного сотрудничества в деле обеспечения продовольствием.

¹ Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. С. 284; Ларионов А. Э. Продовольственное снабжение войск из местных ресурсов как аспект повседневной жизни Рабоче-крестьянской Красной армии в 1941–1945 гг. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2013. № 1–1 (77). С. 129–133; Оськин М. В. Питание солдата в окопах Первой мировой войны // История повседневности. 2017. № 3 (5). С. 127–142; и др.

² Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 3. Оп. 1. Д. 73. Л. 34.

³ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 4. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. 151. Оп. 2. Д. 2. Л. 61.

⁵ См. подробнее: Наумов Е. О.: 1) «Все время приходится вести войну»: обратная сторона сотрудничества армейских и территориальных органов власти Среднего Поволжья летом — осенью 1918 г. в области снабжения (на примере 1-й армии Восточного фронта) // Краеведческие записки: сб. науч. трудов. Вып. 16. Ульяновск, 2018. С. 83–93; 2) Создание объединений Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье (на примере 1-й армии Восточного фронта): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017.

⁶ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 449. Л. 1.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 45. Л. 139.

⁸ Известия Пензенского совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 11 июня; РГВА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 16; Оп. 2. Д. 2. Л. 26.

⁹ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 887. Л. 17 об.

¹⁰ 2 армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918–1919. Документы / отв. ред. Т. Ф. Каряева, отв. сост. В. В. Боброва. Устинов, 1987. С. 29.

¹¹ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА: сб. документов / сост. О. А. Бухаркина и др. Екатеринбург, 2008. С. 108.

¹² РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1436. Л. 184.

¹³ Клементьев А. От Сенгиляя — Инзы до Оренбурга — Орска (Очерки и воспоминания о борьбе железной дивизии на чехословацком фронте) // Годовщина Первой революционной армии. М., 1920. С. 87.

¹⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 232. Л. 33.

¹⁵ Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 6. Л. 78.

¹⁶ Там же. Д. 8. Л. 27–28.

¹⁷ Там же. Л. 29.

¹⁸ Клементьев А. От Сенгиляя... С. 87, 90.

¹⁹ Известия Сенгилеевского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 29 сент.

²⁰ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. С. 174.

²¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 8. Л. 49.

²² Там же. Ф. 184. Оп. 3. Д. 887. Л. 17 об.

²³ Там же. Л. 29.

²⁴ См. подробнее: Наумов Е. О. Отношение жителей прифронтовой полосы Среднего Поволжья к солдатам 1-й армии Восточного фронта во второй половине 1918 года // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность: сб. науч. статей по материалам междунар. науч. конф. (г. Москва, г. Ульяновск, 16–18 марта 2017 г.). М., 2017. С. 176–185.

²⁵ См. об этом: Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 125–126.

²⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 6. Л. 26.

²⁷ Известия Саранского совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 1 сент.; РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 7. Л. 44.

²⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 6. Л. 78.

²⁹ Там же. Д. 7. Л. 237.

³⁰ Там же. Л. 43.

³¹ Известия ВЦИК. 1918. 5 сент.

³² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 232. Л. 33.

³³ Там же. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 480. Л. 423.

- ³⁴ Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 6. Л. 104.
- ³⁵ Там же. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609. Л. 173.
- ³⁶ См. приказ по 5-й армии № 9 от 24 августа 1918 г.: РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1436. Л. 9–10.
- ³⁷ Там же. Л. 105 об.
- ³⁸ *Кутяков И. С* Чапаевым по Уральским степям. Борьба с Уральской и Чехословацкой контрреволюцией. М.; Л., 1928. С. 27.
- ³⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 26. Л. 57.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 1078. Л. 29.
- ⁴¹ *Клементьев А.* От Сенгиля... С. 87.
- ⁴² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 26. Л. 57.
- ⁴³ Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1436. Л. 11.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 1078. Л. 29.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 18. Л. 65 об.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 65. Л. 205.
- ⁴⁷ Там же. Д. 26. Л. 98.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 104.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1436. Л. 106.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 184. Оп. 3. Д. 887. Л. 119.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1436. Л. 106.
- ⁵³ *Кутяков И. С* Чапаевым по Уральским степям. С. 27.
- ⁵⁴ *Позднышев А. Н.* Год работы отдела снабжения // Годовщина Первой революционной армии. М., 1920. С. 77.
- ⁵⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 7. Л. 148.
- ⁵⁶ Легендарный начдив: сб. документов / сост. В. В. Боброва и др. Чебоксары, 1986. С. 35, 36; Саратовская партийная организация в годы гражданской войны: документы и материалы 1918–1920 гг. / под ред. Н. Полянцева и др. Саратов, 1958. С. 27.
- ⁵⁷ Легендарный начдив. С. 50.
- ⁵⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 7. Л. 74.
- ⁵⁹ Симбирский дневник генерала А. В. Жиркевича. 1915–1922 гг. // Волга. 1992. № 9–10. С. 106.
- ⁶⁰ *Кирюхин Н. И.* Из дневника военного комиссара. Гражданская война 1918–1919 гг. М., 1928. С. 16–17.
- ⁶¹ *Каменев С. С.* Предисловие // Гражданская война. 1918–1921 гг.: в 3 т. М., 1928 / под общ. ред. А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана. Т. 2. С. 22.

Статья поступила в редакцию 10 июня 2019 г.
Рекомендована в печать 19 мая 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Наумов Е. О. Продовольственное самоснабжение Красной армии на Восточном фронте во второй половине 1918 года // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 3. С. 595–608. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.303>
УДК 355.426:94(470+571)

Аннотация: В статье на примере Красной армии на Восточном фронте рассматривается процесс решения продовольственной проблемы путем самоснабжения, которое осуществлялось как солдатской массой, так и представителями полкового командования при помощи реквизиций и закупок продуктов у местного населения. Возникновение указанного способа заготовок обуславливалось неспособностью фронтового и армейского командования в полной мере обеспечить войска провизией, в результате чего руководство вынуждено было частично возложить данную обязанность на местное полковое начальство, которое зачастую относилось к организации закупок и борьбе с солдатскими

грабежами довольно халатно. Несмотря на это, благодаря указанным мерам качество питания красноармейцев выросло, о чем свидетельствует уменьшение количества мародерствующих бойцов. Этому также способствовали меры армейского командования по улучшению уровня солдатской дисциплины. Большое внимание в статье уделяется эволюции отношения населения прифронтовых губерний к заготовительной деятельности солдат и полкового командования. Хотя изначально крестьяне довольно негативно воспринимали присутствие Красной армии в сельской местности, впоследствии жители сел и деревень стали проявлять больший интерес к сотрудничеству с войсками, обеспечивая их продовольствием как на добровольной, так и на денежной основе. Процессу снабжения войск продуктами со стороны населения прифронтовой полосы благоприятствовала политика армейского командования, направленная на регламентацию заготовительных операций и поддержание добрососедских взаимоотношений с местным населением. Перечисляются и другие способы получения продовольствия путем захвата трофеев противника и складских помещений на станциях и в городах.

Ключевые слова: Гражданская война, Восточный фронт, Поволжье, Приуралье, Красная армия, снабжение, продовольствие, реквизиции, закупки, крестьянство.

Сведения об авторе: Наумов Е. О. — канд. ист. наук, науч. сотр., Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей имени И. Д. Воронина (Саранск, Россия); naumoveo@mail.ru

Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей имени И. Д. Воронина, Россия, 430005, Саранск, ул. Саранская, 2

FOR CITATION

Naumov E. O. 'Self-Supply of Food for the Red Army on the Eastern Front in the Second Half of 1918', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 3, 2020, pp. 595–608.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.303> (In Russian)

Abstract: This article discusses how the Eastern Front's Red Army solved the problem of food provision through self-supply, which was carried out by soldiers and the regimental command using requisitions and purchasing products from the local population. The emergence of this method was due to the inability of the front and army command to fully provide troops with provisions, as a result of which the leadership was forced to partially impose this task on the local regimental command, which often treated the organization of procurement and fight against soldier robbery rather carelessly. Nevertheless, food quality for the Red Army improved, as evidenced by the decrease in the number of marauding fighters. This was also facilitated by army command measures to improve the level of soldier discipline. In the article much attention is paid to the evolution of the population's attitude to the procurement activity of soldiers and the regimental command. Despite the fact that initially the peasants rather negatively perceived the presence of the Red Army in the countryside, subsequently residents of villages began to show greater interest in cooperating with the troops, providing them with food, both on a voluntary and a monetary basis. This policy was favored by the army command, aimed at regulating procurement operations and maintaining good neighborly relations with the local population. Moreover, other means of obtaining food are listed, such as capturing enemy storage facilities at stations and in cities.

Keywords: Civil War, Eastern front, Volga, Ural region, Red Army, supplies, food, requisition, procurement, peasantry.

Author: Naumov E. O. — PhD in History, Researcher, Mordovian Republican United Museum of Local Lore (Saransk, Russia); naumoveo@mail.ru

Mordovian Republican United Museum of Local Lore, 2, Saranskaya ul., Saransk, 430005, Russia

References:

- 2nd Army in the battles for the liberation of Prikamye and Priuralye. 1918–1919. Documents, eds T. F. Kariaeva, V. V. Bobrova (Ustinov, 1987). (In Russian)
- Astashov A. B. *Russian front in 1914 — early 1917: military experience and modernity* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Civil war in the Urals in the documents of the 3rd Army of the Red Army: Collection of documents*, comp. by O. A. Bukharkina et al. (Yekaterinburg, 2008). (In Russian)

- Kamenev S. S. 'Foreword', *Grazhdanskaia voina. 1918–1921 gg.*, vol. 2, eds A. S. Bubnov, S. S. Kamenev, R. P. Eideman (Moscow, 1928). (In Russian)
- Kiryukhin N. I. *From the diary of a military commissioner. Civil War 1918–1919* (Moscow, 1928). (In Russian)
- Klementyev A. 'From Sengiley — Inzy to Orenburg — Orsk (Essays and Memoirs on the Struggle of the Iron Division on the Czechoslovak Front)', *Godovshchina Pervoi revoliutsionnoi armii* (Moscow, 1920). (In Russian)
- Kondrashin V. V. *The Peasantry of Russia in the Civil War: on the question of the origins of Stalinism* (Moscow, 2009). (In Russian)
- Kutyakov I. *With Chapaev in the Ural steppes. The fight against the Ural and Czechoslovak counter-revolution* (Moscow — Leningrad, 1928). (In Russian)
- Larionov A. E. 'Food supply of troops from local resources as an aspect of the daily life of the Red Army in 1941–1945', *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, no. 1–1 (77), 2013. (In Russian)
- Naumov E. O. "All the time you have to fight": the other side of cooperation between the army and territorial authorities of the Middle Volga region in the summer and autumn of 1918 in the field of supply (on the example of the 1st Army of the Eastern Front)', *Kraevedcheskie zapiski. Sbornik nauchnykh trudov*, vol. 16 (Ulyanovsk, 2018). (In Russian)
- Naumov E. O. 'The attitude of the inhabitants of the front line of the Middle Volga region to the soldiers of the 1st Army of the Eastern Front in the second half of 1918', *Velikaia rossiiskaia revoliutsiia: obshchestvo, chelovek, kul'tura, povsednevnost'*: *Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Moskva, g. Ulyanovsk, 16–18 marta 2017 g.)* (Moscow, 2017). (In Russian)
- Naumov E. O. *The creation of the Red Army during the Civil War in the Middle Volga (on the example of the 1st Army of the Eastern Front)* [Candidate of History Dissertation] (Saransk, 2017). (In Russian)
- Os'kin M. V. 'Nutrition of a soldier in the trenches of the First World War', *Istoriia povsednevnosti*, no. 3 (5), 2017. (In Russian)
- Pozdnyshev A. N. 'Year of work of the supply department', *Godovshchina Pervoi revoliutsionnoi armii* (Moscow, 1920). (In Russian)
- Saratov party organization during the Civil War: Documents and materials. 1918–1920* ed. by N. Poliantsev et al. (Saratov, 1958). (In Russian)
- 'Simbirsk diary of General A. V. Zhirkevich. 1915–1922', *Volga*, no. 9–10, 1992. (In Russian)
- The legendary head of the division. Collection of documents*, comp. by V. V. Bobrova et al. (Cheboksary, 1986). (In Russian)

Received: June 10, 2019

Accepted: May 19, 2020